

Алексей Балакин

Алексей Юрьевич Балакин – старший научный сотрудник, кандидат филологических наук. Окончил русское отделение филологического факультета СПбГУ и аспирантуру ИРЛИ. Работал редактором в издательствах «Северо-Запад», «Азбука», «Амфора». С января 1997 года – научный сотрудник группы по изданию ПСС И.А. Гончарова, в 2003-м защитил кандидатскую диссертацию «Творчество И.А. Гончарова: Текстологические проблемы». С декабря 2004 года – в отделе пушкиноведения. Член текстологической комиссии ИРЛИ, с мая 2009-го – учёный секретарь Пушкинской комиссии РАН.

По следам героев «Северного дневника» Юрия Казакова

Летом 1960 года уже известный к тому времени писатель Юрий Павлович Казаков больше месяца прожил на берегах Белого моря, проехав по маршруту Архангельск – Мезень – Койда – Майда – Ручьи – Архангельск.

Это был не первый его приезд на Русский Север. Впервые Казаков увидел Белое море в 1956 году. Доплыв на корабле от Архангельска до Пертоминска, он прошёл по Летнему берегу «от деревни к деревне (а они друг от друга километрах в сорока – пятидесяти), где пешком, а где на карбасах и мотоботах»¹, закончив путь на Соловках. Эта поездка стала поворотной в его литературной судьбе: писатель буквально заболел Севером. «В жизни каждого человека есть момент, когда он всерьёз *начинает быть*. У меня это случилось на берегу Белого моря...»² – это позднее признание

писателя теперь цитируется едва ли не в каждой монографии о его творчестве. Через два года он побывал на Зимнем берегу, в Нижней Золотице, в последующие годы отправлялся ещё севернее и восточнее, доплыв до берегов Новой Земли. Впрочем, подробную карту литературных маршрутов Казакова ещё предстоит начертить его биографам. Но именно после поездки в Койду и Майду им был написан очерк «Северный дневник», который считается ныне одним из самых значительных литературных произведений о Русском Севере.

В 1956 году Казаков ехал на Белое море по командировке от журнала «Знамя»; очевидно, в 1960 году он был также командирован этим журналом, а «Северный дневник» возник в качестве отчёта по этой командировке: впервые он был напечатан в мартовской и апрельской книжках «Знамени» за 1961 год под рубрикой «Рассказы о людях семилетки»³. Как кажется, место для поездки было выбрано не случайно: в 1960 году крупному и богатому колхозу «Освобождение», объединявшему жителей Койды и Майды, исполнялось тридцать лет, и его трудовые будни как нельзя лучше подходили для того, чтоб описать их в «производственном очерке».

Если в первые поездки Казаков ездил один, то в этот раз с ним был его близкий друг, детский писатель Юрий Коринец, также большой любитель странствовать по Русскому Северу. Спустя несколько лет Казаков в предисловии к книге стихов Коринца «Суббота в понедельник» (М., 1966) так вспоминал об их совместных путешествиях: «Путешествовал и я вместе с Коринцом. <...> Мы побывали в Великом Устюге, в Котласе, в Архангельске, добрались до Белого моря, потом до реки Онеги, с Онеги поехали на Кольский полуостров, в Мурманск...»⁴.

Публикация «Северного дневника» стала важной вехой в творческой биографии Казакова. Во-первых, он наконец был признан как писатель даже теми литературными кругами, где до этого к нему относились критически и даже враждебно. Но во-вторых, что для нас важнее, после командировки 1960 года изменился творческий метод Казакова в его «северных» произведениях. Впечатления от первых поездок по берегам Белого моря выливались в рассказы: «Никишкины тайны», «Манька», «Поморка», «На острове» – это образцы классического fiction, где стихия вымысла доминирует над точностью путевых заметок, география размыта и неопределённа, а биографии героев не выходят за границы повествования. После «Северного дневника» Казаков

стал тяготеть к nonfiction: очеркам и травелогам, содержащим минимальные беллетристические вкрапления.

Документальность «Северного дневника» подчёркивалась самим автором. «То, что твой герой – живой, конкретный человек, а не собирательный образ, конечно, представляет для писателя особые трудности, но в то же время здесь заключена и сила жанра, – писал он в заметке, сопровождающей выход книги. – <...> Я не сочинял ничего. Я даже фамилии своим героям не придумывал, все они у меня живут под своими именами...»⁵. Поэтому перед исследователями творчества Казакова должна вставать проблема реального комментария к его путевым очеркам. Ведь «Северный дневник», несомненно, заслуживает критического издания, подобного тому, как издаются и комментируются другие ставшие классикой травелогии – «Путешествие в Арзрум» или «Фрегат “Паллада”».

В июле 2014 года мне довелось принять участие в фольклорно-археографической экспедиции Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, которая работала в местах, где полвека назад бывал Казаков – селе Койда и деревне Майда Мезенского района Архангельской области⁶. Разумеется, я не мог не воспользоваться случаем узнать у местных старожилов про их односельчан, упомянутых в «Северном дневнике»⁷. В настоящем сообщении мне хотелось бы поделиться с будущими комментаторами Казакова собранным материалом. Будем идти вслед за текстом «Северного дневника»⁸.

* * *

Из Мезени до Койды Казаков плыл на сейнере «Белужье», где встретил первых жителей Койды. «На палубе, на солнце, в запахе рыбы, жмурясь от дыма папиросы и от света, сидит лоцман. Он из Койды и едет теперь домой, страшно довольный, что не нужно дожидаться парохода. Сидит он вольно, положив ногу на ногу, выставив острую коленку, покачивает рыбацким сапогом. <...> Его бесконечные истории, в которых варьируются кошки, ветры, приливы и отливы, его хвастовство, ленивая самоуверенность похожи на обыкновенное пьяное бахвальство. Но слушают его серьёзно и даже с некоторым почтением. Может быть, потому, что он из рода Малыгиных – славных мореходов? Или потому, что не может человек, доживший на море до пятидесяти лет, действительно не знать всех этих банок, кошек, приливов и

отливов?». Здесь Казаков рассказывает о Василии Степановиче Малыгине (1910–1979), ходившем капитаном и помощником капитана на разных судах – транспортном судне «Микоян», мотоёле «Стахановец», мотоботе «Иван Малыгин», сейнере «Параллель», МРТ «Долгий». Незадолго до приезда Казакова, 1 марта 1960 года он из Мезенского МРС был переведён вторым помощником капитана на РС-5276, затем плавал на различных сейнерах в должности помощника капитана и штурмана. В 1965 году вышел на пенсию, а в 1967-м был избран депутатом Койденского сельсовета⁹. Гораздо меньше сведений о другом плившем на «Белужьем» койдянине: «С нами едет ещё Игорь Попов – судовой механик из Мурманска. Родом он из Койды, но в Койде никого у него нет, и сам он не был там уже восемь лет». Известно лишь, что Игорь Фёдорович Попов (род. ок. 1928–1930 гг.) всю жизнь проплавал на судах – на ботах, СРТ и ПТС (промыслово-транспортное судно), а умер в Архангельске; родных в Койде у него действительно не осталось.

На причале в Койде Казакова и Коринца встретил председатель колхоза, немного ниже названа его фамилия – Воронухин. Афанасий Макарович. Воронухин был родом из мезенского села Кимжа; воевал, дошёл до Берлина. После войны его прислали в Койду на партийную работу: сначала он был культорганизатором в избечитальне, затем около десяти лет партторгом, а с 1956 по 1967 год – председателем колхоза «Освобождение». Позднее Воронухин уехал в Архангельск, где жил и работал до своей кончины. Точных дат его жизни никто в Койде вспомнить не смог; говорили только, что в 1960 году ему было около 40 лет.

Причал, на который ступил Казаков, сохранился; правда, уже не используется и находится в полуразрушенном состоянии. Рядом с ним находится заколоченное здание рыбокоопы, а вот стоявший чуть поодаль «сизый покосившийся крест, поддерживаемый проволокой от

В.С. Малыгин.
Фото 1950-х гг.

А.М. Воронухин. Фрагмент групповой фотографии.
Начало 1960-х гг.

телефонного столба», ныне заменён другим, хотя остатки старого не убраны и лежат рядом. Напротив креста – дом, где останавливался Казаков.

Это небольшой по койденским меркам одноэтажный дом был построен для двух братьев и сестры и их семей, и, соответственно, разделён на три части. Две фасадные части занимали братья, сестре досталась задняя часть, окна

которой выходили в противоположную от реки сторону. В этой части и поселился Казаков. «Живу я у старой, высокой, сухопарой женщины. Скотины она не держит и не работает. Раньше работала на почте: зимой и летом, в морозы и дожди носила и возила

А.Е. Попова

Л.Е. Малыгина.
Фото 1961 г.

Дом в Койде, где останавливался Юрий Казаков. Фото 2014 г.

почту», – и далее повествуется про женщину-почтальона на Летнем берегу Белого моря, про то, как он хотел написать о ней «грустный, но героический рассказ», и что сейчас «как бы вновь встретился с давней своей героиней...».

Это говорится про Анну Евгеньевну Попову (1907–1990), которая много лет работала почтальоном, ходила пешком (изредка на лошади) по берегу из Койды в Нижу (ок. 40 км), где встречалась с почтальоном из Долгощелья – села в устье реки Кулой, с которым обменивалась почтой. По рассказам односельчан, она была мастерица печь пироги, которыми снабжала всякий праздник или поминки. «К хозяйке приходят женщины, коротко оглядывают меня и садятся тоже к окну» – это также точная деталь: с Анной Евгеньевной дружила её соседка Мария Александровна Малыгина, они часто сидели вместе у окна. Сейчас часть дома, где жила Попова, необитаема: дверь закрыта на замок, крыша провалилась, хотя в

А.И. Малыгин.
Фрагмент групповой
фотографии. 1960 г.

Н.К. Малыгин.
Фото 1959 г.

окна видно, что часть старой обстановки сохранилась. Сохранился и дом, который Казаков рассматривал из окна в бинокль; правда, сейчас от него остались одни стены, и из окон дома Поповой он не виден – загорожен другим, построенным позднее.

Читавшие «Северный дневник» койдена узнали девушку-доярку, едущую по реке на отгонное пастбище, хотя в тексте имя её не названо: «С нами едет девушка, <...> – милое лицо, одно из тех лиц, которые тем милее становятся, чем больше на них смотришь. Она всё улыбается... <...> А когда на неё не смотрят, она успокаивается, совсем остаётся наедине с собой и что-то шепчет. Я посматриваю из-под капюшона на её губы, стараюсь догадаться, что она шепчет. Наконец я догадываюсь: она поёт песню. Поёт тихонько, про себя, голоса не слышать за треском мотора, а губы шевелятся». По словам Ивана Евгеньевича Малыгина, здесь изображена его сестра Людмила Евгеньевна (р. 1942), в замужестве Ефремова. В начале 1960-х она уехала в Архангельск, где поступила в медицинское училище, закончила его и всю жизнь работала в медицине – правда, не на родине, а в г. Сыктывкаре, в детском саду от местного ЛПК. По словам брата, Людмила Евгеньевна очень любила петь и знает множество песен, которые переняла от матери.

На отгонном пастбище Казаков наблюдал идиллическую картину: «Вышел пастух Анатолий, молодой парнишка, с удовольствием залез на одну из привезённых лошадей, поехал прочь, наигрывая на гармошке, и телята, не выдержав, пошли за ним» (62). Этот пастух-гармонист – Анатолий Иванович Малыгин (1944–2010), который в юности работал в колхозе, а затем уехал в Нарьян-Мар, где занимался строительством и ловлей рыбы. Выйдя на пенсию, он вернулся на родину, в Койду, где и скончался.

Из Койды Казаков и Коринец уезжали на доре до тони Малая Кедовка, откуда грузовик довёз их до Майды. «Капитан доры, мальчишка лет восемнадцати, курносый, с круглыми глазами» оказался единственным персонажем «Северного дневника», живущим ныне в Койде и помнившим Казакова, – это Николай Клавдиевич Малыгин (р. 1942)¹⁰. Более того, когда в 1977 году

«Северный дневник» был издан полуторамиллионным тиражом «Роман-газетой»¹¹, то, будучи подписчиком этого издания, он не только узнал себя, но и оставил на полях своего экземпляра следующую запись: «Это было в 1960 г. 27 июля. Я ходил на доре капитаном и было мне 18 лет». Окончив ремесленное училище, Николай Клавдиевич работал в колхозе: плавал на доре капитаном, впоследствии был сварщиком, токарем, жестянщиком, кузнецом, слесарем, делал лодки и отливал для них винты. На мой вопрос, каким образом он запомнил точную дату отъезда Казакова из Койды, Николай Клавдиевич ответил, что ему памятен следующий день – 28 июля его дора сгорела. Мотористом на злополучной доре плавал Анатолий Васильевич Малыгин (р. 1934), который впоследствии работал трактористом и шофёром («был первым шофёром на деревне», как с гордостью сказала о нём жена); выйдя на пенсию, закончил свою трудовую деятельность в кочегарке.

А.В. Малыгин

Между рассказами о Койде и Майде в «Северном дневнике» есть главка, посвящённая колхозу «Освобождение», где приведены данные о количестве хозяйств и колхозников, об их заработках, о планах вылова рыбы на 1960 год и распределении полученной прибыли. Интересно сравнить эти планы с реальными цифрами, обнародованными в койденской стенной газете, видимо, начала 1962 года (её фотография сохранилась в местном клубе); данные приведены в центнерах:

	Планы по Казакову	Отчёт в стенгазете
Сельдь	7000	6996
Тресковые	6800	6472
Навага	650	1872
Камбала	100	не указано
Сёмга	330	509
Морзверь	3730	1806

Значительное расхождение данных в последней строке таблицы удивительно и наводит на мысль об опечатке в тексте «Северного дневника», так как колхоз «Освобождение» и в последующие годы не добывал более двух тысяч центнеров морзверя: по данным другой стенгазеты, в 1963 году его было добыто 1669 центнеров, план на 1964 год – 1660 центнеров. Укажем также на

другое расхождение. В первой журнальной публикации «Северного дневника» есть абзац, позднее снятый автором: «Годовой доход колхоза за прошлый год составил 3917 тысяч рублей. Из этой суммы 500 тысяч дало колхозу сельское хозяйство¹². Кроме всего прочего, колхоз получает ежегодную государственную дотацию на износ орудий лова»¹³. Согласно данным стенгазеты, колхозная прибыль 1960 года от сельского хозяйства составила 50 900 рублей¹⁴, что согласуется с данными Казакова; а вот общая прибыль – 686 440 рублей, что значительно больше суммы, указанной в «Северном дневнике». Отметим, что в следующем, 1961, году она значительно выросла, составив 833 280 рублей – как указано в той же стенгазете. Здесь же приведены цифры колхозных расходов: в 1960 году на строительство было израсходовано 24 700 рублей, на подготовку кадров – 1863 рубля, на «культучреждения» – 2654 рубля, на «детплощадку и прочие» – 1822 рубля, внесено в кассу взаимопомощи 2702 рубля.

И.И. Титов. Фрагмент групповой фотографии. Вторая половина 1940–1950-х гг.

«Редки деревни на Белом море, и каждая резко отлична от другой – расположением своим и народом. <...> Одни больше, другие меньше, погрязнее и почище, повыше домами и пониже... И народ в одних поприветливее, пословоохотливей, в других поравнодушней, как бы попривычней к приезжим» – так начинается в «Северном дневнике» рассказ о приезде в Майду. В этих строках лаконично обозначены различия между двумя соседними селами, и сейчас бросающиеся в глаза приезжим. «Мы пошли <...> по улице, по брёвнам, и они музыкально, как ксилофон, звучали под нашими шагами, а по сторонам были изгороди, и огороды, и дома, и прекрасный клуб наверху, и радио играло на столбе...» – так описывает Майду Казаков. Деревянные настилы сохранились в этой деревне до сих пор, хотя перестеленные досками; раньше они были широкими – по словам одного из местных жителей, «чтоб четыре девки в ряд помещалось» (или, скорее, чтоб могла проехать телега), сейчас еле можно разойтись и двоим. Изгородей почти не

Тоня Майдица. Фото 2014 г.

осталось, огородов мало, а упомянутый клуб при нас разбирали на дрова. Зато сохранился большой колхозный сарай, около которого, по всей видимости, Казаков встретил первого жителя Майды, которого упомянул в своей книге – «заместителя председателя Буркова».

Поликарп Екимович Бурков (1930–2005) стал заместителем председателя колхоза «Освобождение» в 1959 году и занимал эту должность около десяти лет. Односельчанам он запомнился тем, что хорошо играл на гармонии; под старость уехал в Архангельск, где умер и был похоронен. «Увидев нас, Бурков одёрнул розовую рубашку, выслушал нас, поздоровался, тихо улыбнулся и пошёл говорить с кем-то, – пишет Казаков, – и было похоже, что он – молодой – пошёл куда-то к отцу посоветоваться, где бы нас поместить...». Как можно предположить, Бурков ходил советоваться к своему старшему товарищу, который занимал должность заместителя председателя колхоза перед ним – Илье Ивановичу Титову.

С ним читатель «Северного дневника» уже познакомился в предыдущей главе книги. Именно он был главным информантом Казакова, именно за ним на тоне Майдица писатель записывал рассказы о походах сёмги, о хороших и худых ветрах, о тюленях и социалистическом соревновании, именно на его тоне наблюдал за ловлей рыбы и морским закатом. Эти рассказы впоследствии многократно цитировались – и лингвистами, и этнографами, и публицистами; о них прежде всего вспоминают, когда заходит речь о культуре поморов. Можно сказать, что Титов стал одним из самых значимых персонажей «Северного дневника».

«Титов – пожилой, небритый, худощавый, с измождённым лицом, но почему-то довольный – встречает нас у своей тони. А тоня его – маленькая избушка о двух окнах: одно на море, другое вдоль берега, на юг. Рядом с тоней избушка ещё меньше, такая, что, кажется, и повернуться в ней негде. И уже подле той избушки стоит высоко вознесённый, покосившийся восьмиконечный крест, каких множество я видел по берегам Белого моря» – так описывается в «Северном дневнике» тоня Майдица, стоящая рядом с устьем одноимённой реки, и её хозяин. За прошедшие пятьдесят лет многое изменилось: несколько раз меняла русло река, море отошло дальше от избы, но остался и переделанный

Е.Г. Титов.
Фото с надгробного памятника

Е.А. Котцов.
Фото конца
1940–1950-х гг.

из старой часовни ледник, и крест – правда, он покосился и потерял две перекладки. Рыбацкая же изба другая: в конце 1970-х колхоз обновлял тони, ставил новые, более просторные избы, а старые сносил. От избы, где был Казаков, остался только заросший травой пол и остатки печки. Находилась она метрах в двадцати левее современной избы (если смотреть со стороны моря) и немного дальше её от берега. По словам старожил, она была рассчитана на шесть рыбаков; вдоль двух стен стояли одноэтажные полаты, тогда как в новых избах полаты уже, как правило, двухэтажные.

Самому Титову в 1960 году было 57 лет; он родился в 1903 году, скончался в 1972-м. Уроженец Майды, до войны Илья Иванович работал продавцом, во время Великой Отечественной войны воевал на карело-финском фронте. После войны был заместителем председателя колхоза, затем заведовал складом; славился как мастер на все руки: делал грабли, сани, правил косы. Надпись на могильном камне (едва ли не единственная на кладбище в Майде) сообщает, что Титов был ветеран колхозного строительства, коммунист – но чем он отличился при образовании колхоза «Освобождение», выяснить не удалось.

На тоне Титов сидел не один, у него была напарница: «...на стол накрывает милая рыбачка, с грустной, приятной улыбкой слушает наши вопросы, ходит, прихрамывая, по избе, достаёт стаканы, режет хлеб, усаживает нас. Зовут её славно: Пульхерия Еремеевна Котцова». Эта женщина оставила самую добрую память о себе; односельчане ласково звали её (и сейчас зовут) Полуша. Родилась она в 1917 году (была единственным человеком в Майде этого года рождения); в восьмилетнем возрасте ей перебило ногу упавшей дверью, отчего она всю жизнь хромала. Полуша никогда не была замужем, жила одна, и у неё любили собираться на посиделки майденские девушки. По воспоминаниям односельчан, она была очень добрая, любила петь и шутить. Умерла в середине 1980-х годов в Мезени: внезапно почувствовала себя плохо, за ней прилетел вертолёт и увёз в районную больницу, но на следующий день она там умерла.

Майденские старожилы узнали неназванного Казаковым, эпизодического героя его книги: «...заходит в дом ранний гость, глухонемой с лицом Иванушки-дурачка, с прелестной радостной улыбкой, от которой расплывается у него нос. Жестами,

мычанием, лицом, на котором горечь и боль утраты, показывает, как горят и горят леса где-то на юге, и как дым застилает солнце, и как самолёты летают тушить, но неудачно». Здесь описан Евлампий Григорьевич Титов (1923–1972), глухонемой от рождения, которого в деревне звали «нёмушко»; единственный факт его биографии, о котором помнят односельчане, – что он утонул в День рыбака. Кроме того, в 1960 году вверх по течению реки Майда, около озера Летнее, случился катастрофический лесной пожар, возникший из-за того, что кто-то из расчищавших лес колхозников оставил без присмотра костёр, на котором грел чайник («гарь была – как в тумане», вспоминают старожилы).

Стоит обратить внимание и на ещё одну упомянутую Казаковым деталь: у выловленной сёмги «через час вынут <...> жабры, сделают на брюхе два “кармана”...» – так шкерят рыбу только в Койде, не целиком разрезая брюхо, а оставляя перемычку около нижних плавников, чтобы сохранить товарный вид. По этой примете и сейчас можно отличить койденскую сёмгу, которая считается едва ли не лучшей на Белом море: «Сёмга ловится по всему Белому морю – в Двинской губе, в Мезенской, Кандалакшской и Онежской губе и на Печоре. Самая лучшая, крупная и нежная сёмга добывается в Мезенской губе и на Печоре».

В Майде Казаков и Коринец остановились у Евлампия Александровича Котцова. В «Северном дневнике» так описан их первый приход к нему: «Прекрасный это и старый был дом! В нежилой половине его, служащей как бы преддверием повети, сложены были сырые кирпичи и навалены кучи сухого мха и пахло почему-то очень отчётливо сиренью. Мы вошли направо, в кухню, и застали чаепитие в разгаре. При нашем появлении встала с места и хорошо на нас посмотрела женщина средних лет, а в дальнем конце стола сидел высокий прямой старик и тоже смотрел, улыбаясь, как мы снимаем рюкзаки. Семьдесят лет было ему, как мы потом узнали, семьдесят лет, но на вид и пятидесяти нельзя было дать – такие густые сивые волосы валились ему на лоб, такое красное здоровое лицо было у него и такое веселье и

Е.А. Котцов (слева) и И.И. Титов у старого магазина в Майде

хозяйственность играли постоянно на этом лице! Повёл он рукой, показывая на комнату позади себя, и мы начали переносить вещи туда, а он тут же приказал нести и самовар к нам и вдруг сам вошёл – не вошёл! – вполз к нам на коленях, и больно было смотреть, как этот красивый старик, мужественный и весёлый, ползает, шуршит и постукивает культяпками своими в бахилах. А он, внимательно и вопросительно посмотрев на нас, тут же выполз и скоро вернулся с полной тарелкой квашеной сёмги и потом ползал с невероятной быстротой, несмотря на наши протесты, носил стаканы, блюда, сахар, а женщина – она оказалась падчерицей его – тоже бегала и ставила на стол что-то ещё и ещё...».

Е.Ф. Титова

Евлампия Александровича Котцова и сейчас помнят многие жители Койды и Майды. Подробный рассказ, как он потерял ступни ног, есть в «Северном дневнике», пересказывать его нет смысла. Можно добавить только характерную деталь: приведшая к ампутации гангрена началась оттого, что его отмороженные ноги вместо спирта растёрли горячим тюленьим жиром. После ампутации ему сделали специальные тюни из шкуры серки (молодого тюленя), благодаря которым он не только мог ползать на коленях, но даже очень ловко ходить на лыжах – на рыбалку на озёра за несколько километров. Ходить в полный рост Котцов не мог, но иногда вставал на ноги: сохранилась фотография,

где он стоит рядом с И.И. Титовым. До войны Евлампий Александрович возил на лошади почту (племянница вспоминала, как он изредка брал её с собой), во время войны руководил бригадой женщин-зверобоев, добывавших тюленя на острове Моржовец. После войны он работал приёмщиком сёмги на рыбпункте, причём отличался непомерной строгостью: тщательно проверял вес привозимой с тоней рыбы и нещадно её отбраковывал. Женат Котцов был на своей однофамилице Александре Степановне. Когда её муж умер от испанки вскоре после советско-финской войны, Евлампий Александрович перешёл жить к ней в дом, где спустя двадцать лет и останавливался Казаков. Этот дом строился для двух братьев и был разделён на две половины; Котцов занимал левую, дальнюю от реки. Сейчас от дома остались лишь руины, но по ним и по рассказам старожиллов можно представить его архитектуру. Первый этаж был нежилой, его занимали сарай и хлев, на втором было всего две жилые комнаты; никакой све-

тёлки («вышки») не было (что нехарактерно для северных домов), зато до сих пор сохранился широкий съезд.

После того как в 1958 году жена Котцова скончалась, её дочь от первого брака Екатерина Фёдоровна Титова (1914–1995) вместе с четырьмя детьми перешла жить к отчиму, поскольку была вдовой (её муж Семён Иванович погиб на войне), а обветшавший дом было некому починить. Это она «хорошо посмотрела» на Казакова и его спутника, это она «тоже бегала и ставила на стол что-то ещё и ещё». Младшая дочь Екатерины Фёдоровны вспомнила «московских корреспондентов», но ничего подробнее сказать не смогла: ей в 1960 году было всего девять лет.

С Евлампием Александровичем Котцовым связан ещё один эпизод «Северного дневника»: «Пришла к нам жаловаться женщина и поставила нас в тупик. Многодетная мать, она хотела накопить сена для себя, не дожидаясь окончания колхозных покосов, так как двое или трое детей её работали на пожнях, косили для колхоза, а колхоз всё равно, справившись со своими делами, разрешал потом всем косить для себя. Правда человеческая была вроде на её стороне, и мы уже хотели было поговорить с заместителем председателя, но тут не вытерпел Котцов. <...> Во всей речи его колхоз выставлялся на первое место. Он ругал эту женщину, но ругал мягко, он убеждал и доказывал, и приводил примеры, и пускался в экономические подсчёты. <...> А какая осведомлённость во всём, как быстро и уместно напомнил он ей о всех её недостатках, об овцах и корове и о сыновьях, работающих в Атлантике и прекрасно зарабатывающих, и как очевидно становилось и нам и ей, что живёт она хорошо, а сейчас просто поторопилась, пожадничала...» По мнению старожилов Майды, здесь упомянута Агриппина Владимировна Титова (1912–2000 гг.), мать одиннадцати детей, один из сыновей которой плавал в Атлантике. Напомним, что, по сведениям Казакова, «рыбаки, занятые в Северной Атлантике и Баренцевом море, получают за сезон – с ноября по июль – от 25 до 30 тысяч рублей на СРТ и по 8–9 тысяч – на сейнерах»; позднее он вспоминал: «Люди здесь жили крепко. <...> Большинство наших колхозников в 50-х годах получали трудовни. А тут – деньги, и хорошие деньги»¹⁵. Отметим также, что сейнера «Освобождения» начали ловить рыбу в Атлантике только в 1958 году.

Евлампий Александрович Котцов скончался в 1969 или 1970 году – разные люди назвали разные даты. И хотя могила его на майденском кладбище сохранилась, но на деревянном кресте

нет никаких надписей; более того, сам крест перенесён с другой могилы. Умер же он не от старости: в жаркий летний день вспотел на рыбалке, а придя домой, выпил холодной воды...

* * *

В предисловии к недавнему переизданию «Северного дневника» литератор и филолог Алексей Варламов говорил: «Юрий Казаков начал писать “Северный дневник” полвека назад. Интересно было бы сегодня пройти по местам, им описанным, посмотреть, как живут Койда и Майда, узнать, <...> что случилось с героями его дневника – кто из них жив, кто, когда и как умер и ведают ли их потомки о том, что их отцы, деды, бабушки попали в большую литературу»¹⁶. Надеюсь, настоящий материал хоть отчасти сможет удовлетворить этот интерес.

¹ Казаков Ю.П. Вечерний звон: Повести, рассказы, путевые, дневниковые, литературные заметки, письма. М., 2011. (Собр. соч. Т. 3). С. 224.

² «Единственно родное слово»: Беседа с Юрием Казаковым // Литературная газета. 1979. № 47. 21 нояб. С. 6.

³ До этого фрагмент (о рыбной ловле на тоне Майдица) был опубликован в «Литературной газете» (1960. № 129. 29 дек.) под заголовком «У Белого моря» в рубрике «Из летних путешествий».

⁴ Казаков Ю. Об авторе // Коринец Ю.И. Суббота в понедельник: Стихи и сказки. М., 1966. С. 4.

⁵ Казаков Ю.П. Вечерний звон. С. 225, 226.

⁶ В экспедиции также принимали участие А.И. Васкул, Е.Л. Капустина, Н.Г. Комелина и Г.Н. Щупак. Пользуюсь случаем поблагодарить коллег за посильную помощь и равнодушное отношение к моей работе.

⁷ Здесь необходимо выразить признательность всем людям, делившимся со мной материалами и воспоминаниями; назову тех, беседы с которыми были особенно содержательными: в Койде – Иван Дмитриевич Котцов (племянник Е.А. Котцова), Николай Клавдиевич Малыгин, Иван Евгеньевич Малыгин (брат Л.Е. Ефремовой), Надежда Александровна Матвеева; в Майде – супруги Роза Андреевна и Пётр Тихонович Бурковы, Фаина Филипповна Буркова (невестка П.Е. Буркова), Любомир Андреевич Малыгин (внук И.И. Титова), Ликонида Ильинична Титова (дочь И.И. Титова), Клеопатра Дмитриевна Титова (племянница Е.А. Котцова).

⁸ Далее «Северный дневник» будет цитироваться по изданию: Казаков Ю.П. Северный дневник. М., 1973.

⁹ Сведения о В.С. Малыгине почерпнуты из официальных документов (трудо-вая книжка, военный билет и др.), которые любезно предоставила его невестка Елена Алексеевна Малыгина. К сожалению, следует отметить, что это был единственный подобный случай: биографии других упомянутых Казаковым лиц приходилось восстанавливать по рассказам односельчан (которые не всегда согласовывались между собой), а даты их жизни – в основном по указаниям на надгробиях, если их удавалось найти на местных кладбищах.

¹⁰ Отметим, что Н.К. Малыгин был одним из героев серии о поморах цикла документальных фильмов «Люди воды» (2013).

¹¹ Казаков Ю.П. Долгие крики: Северный дневник. М., 1977. (Роман-газета. 1977. № 12 (826)). Хотя это издание и имело важное значение благодаря своему тиражу, однако в нём «Северный дневник» опубликован со значительными сокращениями.

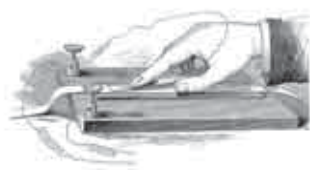
¹² Напомним, что в «Северном дневнике» указаны суммы до денежной реформы 1961 года, когда рубль был денонминирован в 10 раз.

¹³ Казаков Ю.П. Северный дневник // Знамя. 1961. № 4. С. 144.

¹⁴ К слову, в 1960 году поголовье колхозных коров составляло 100 голов, сейчас – около 10. Для всех колхозов Белого моря, где мне довелось побывать, скотоводство сейчас является планово-убыточной отраслью; коров держат только для того, чтоб обеспечивать молоком жителей села – в тех местах, куда не проложены дороги и, следовательно, нельзя привозить молочные продукты из города.

¹⁵ Казаков Ю.П. Вечерний звон. С. 242.

¹⁶ Варламов А.Н. Паломничество в страну Севера // Казаков Ю.П. Северный дневник. М., 2008. С. 7.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЛЕНТА

2015 ГОД, ОБЪЯВЛЕННЫЙ ГОДОМ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ И ГОДОМ
КОНСТАНТИНА ИВАНОВА В ЧУВАШИИ, ПОДАРИТ ЗРИТЕЛЯМ РЕСПУБЛИКИ
МНОГО ТВОРЧЕСКИХ ПРОГРАММ И ПРОЕКТОВ. ОДИН ИЗ НИХ – «ЛИТЕРАТУРНАЯ
СРЕДА», СТАРТУЮЩИЙ В ЧУВАШСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕАТРЕ ОПЕРЫ И
БАЛЕТА И ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ
НА МУЗЫКАЛЬНОЙ СЦЕНЕ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

ЛИТЕРАТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ

Основан А.М. Горьким
в 1930 году

№ 1 / книга первая / январь–февраль 2015

Выходит шесть раз в год

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

www.lych.ru

Главный редактор:
Алексей ВАРЛАМОВ

Ответственный секретарь:
Александр ЯКОВЛЕВ

Редакционная коллегия:
Александр АРХУТИК, Павел БАСИНСКИЙ, Алиса ГАНИЕВА, Людмила КАРХАНИНА,
Валентин КУРБАТОВ, Александр КИСИЛЁВ, Елена ПОГОРЕЛАЯ

Общественный совет:
Панко АНЧЕВ, Александр ГОРДОН, Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, Надежда МИХАЙЛОВА,
Никита МИХАЛКОВ, Алексей НАЛЕПИН, Лев СКВОРЦОВ, Борис ТАРАСОВ,
Владимир ТОЛСТОЙ

Учредитель:
ООО Издательский дом «Литературная учеба»
Генеральный директор: Владимир ЗАКУРДАЕВ
Зам. генерального директора:
Людмила КАРХАНИНА

Генеральный партнёр:
МОФ «Центр развития межличностных коммуникаций»
www.ruscenter.ru; e-mail: info@ruscenter.ru

Свидетельство о регистрации № 013587 от 12 мая 1995 г.

Дизайн: Александр АРХУТИК
Вёрстка: Алексей КОЛГАНОВ
Корректурa: Лидия СТАНКЕВИЧ

Наши координаты:
119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 9
Тел./факс редакции: (495) 980-07-36

e-mail: litucheba@mail.ru – основной
e-mail: director@lych.ru – генеральный директор
e-mail: glavred@lych.ru – главный редактор
e-mail: otvetsek@lych.ru – ответственный секретарь
e-mail: litucheba3@mail.ru – книжное издательство